

0128

ЦЕНТРОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Сьюзен Мейер

ВЕСЕЛАЯ
СЛУЖАНКА

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Сьюзен Мейер

Веселая служанка

«Центрполиграф»

Мейер С.

Веселая служанка / С. Мейер — «Центрполиграф»,
— (Любовный роман – Harlequin)

Когда-то Кейн и Лиз были мужем и женой, но их брак дал трещину, и они расстались. И вот теперь судьба дает им еще один шанс... ведь они до сих пор любят друг друга!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мейер Сьюзен

Веселая служанка

Роман

Глава 1

Грязное белье?

Кейн Нестор с гримасой отвращения бросил свои когда-то белые трусы в стиральную машину и захлопнул дверцу. Черт! Надо было вчера вечером заехать в супермаркет и купить новые. Но когда его личный самолет наконец приземлился в Майами, было уже поздно. К тому же когда он жил в Канзасе, то сам стирал свои вещи. Трудно поверить, что за двенадцать лет можно отвыкнуть от подобного. И все-таки, кажется, он отвык...

Он крепче затянул полотенце вокруг бедер и вышел на кухню как раз в тот момент, когда отворилась задняя дверь. Желтенький плиссированный передник, форменная одежда «Веселых служанок», свидетельствовал, что Ава, его личный секретарь, на шаг опередила босса. У него не было домработницы с февраля – целых три долгие недели! И все, кого Ава представляла ему, страдали, с его точки зрения, каким-либо недостатком. И теперь отсутствие у него чистого белья значило, что он дошел до точки.

Как всегда, секретарь нашла выход: позвонила в компанию, которая предоставляет домработниц на разовую работу. Кейн уже готов был извиниться перед девушкой за свой вид, но вдруг сердце замерло у него в груди.

– Лиз?...

Ее длинные черные волосы были собраны на затылке в тугий пучок, она слегка похудела за те три года, что он не видел ее, но он всегда и везде узнал бы эти зеленые, как у кошки, глаза...

– Кейн?

У него в голове возникло множество вопросов. И еще он вдруг почувствовал угрызения совести. Когда они поженились, она бросила прекрасную работу в Филадельфии и переехала к нему в Майами. И вот теперь Лиз – домработница?!

А виноват в этом он...

Кейн прочистил горло:

– Я просто не знаю, что сказать.

Лиз Харпер моргнула несколько раз – убедиться, что глаза ее не обманывают и перед ней посреди кухни действительно стоит ее бывший муж, почти голый, в обернутом вокруг бедер полотенце. Именно для него она должна работать сегодня в первой половине дня.

Кейн ничуть не изменился за три года. Черные волосы так же коротко острижены. Такие же широкие плечи. И такие же сильные мускулы и так же играют, когда он двигается. Сейчас в этом как раз можно убедиться. И ей опять показалось, что взгляд его темно-карих глаз проникает до самого дна ее души...

Она облизала вдруг пересохшие губы:

– Ты мог бы для начала извиниться за то, что встречаешь меня почти голым. Сбегать наверх за твоим халатом?

Эти слова его рассмешили. И на нее тут же нахлынули тысячи воспоминаний...

Как они встретились в самолете, который летел из Далласа в Филадельфию... Как обменялись визитными карточками, как он позвонил ей прежде, чем она успела выйти из здания

аэровокзала... Как они обедали вместе в тот вечер, как наладились их отношения, как они соединились в первый раз прямо на пляже, за его красивым домом в Майами... Как вдруг поженились в Лас-Вегасе.

И вот теперь она – его домработница! Может ли женщина пасть ниже? Хуже того, она не могла отказаться от этой работы.

– Хорошо. Я...

– Ты думаешь...

И оба замолчали. Лиз почувствовала запах его мыла. Он употреблял это мыло и раньше. Новый прилив воспоминаний: тепло его прикосновений, глубина его поцелуев.

Она откашлялась:

– Говори ты.

– Нет. Сначала дамы.

– Ну хорошо. – Она сделала глубокий вдох. Не стоит верить ему свои секреты. Довериться Кейну вновь – глупо. Если все пойдет хорошо, она даже не должна будет встречаться с ним во время работы. – Тебя это смущает?

– Ты работаешь у меня или болтаешь о том, что работаешь у меня, пока я стою тут почти голый? – Он ту же затянул полотенце вокруг бедер.

Лиз залилась румянцем. Напоминание о том, что на нем нет ничего, кроме тонкого полотенца, разбудило желание. Смешно – три-то года спустя после развода! Но она и Кейн всегда так реагировали друг на друга. И Лиз, будучи человеком здравомыслящим, знала, что так просто это не пройдет. Когда-то их потянуло друг к другу так сильно, что она, обычно разумная, осторожная девушка из Пенсильвании, бросила работу, о которой можно было только мечтать, и поехала с ним в Майами, а он, обычно замкнутый, этакий бирюк-предприниматель, вдруг раскрылся перед ней и допустил ее в свою жизнь.

– Я буду работать у тебя, пока ты не наймешь постоянную служанку. – Она пошла вдоль кухни, современной, блестящей от стекла и металла. – Такой вариант тебя не устраивает?

Он посмотрел на кафельный пол, потом опять поднял глаза на нее:

– Скажу тебе честно, Лиз. Мне неудобно.

– Почему? Тебя же не должно быть дома, когда я тут. Мне сказали, что ты вообще приезжаешь на работу к восьми. Мы просто случайно встретились. А мне нужна эта работа!

– Именно поэтому мне и неудобно.

Теперь ее кровь кипела не от страсти, а от злости.

– Ты что? Жалеешь меня?!

Он состроил гримасу:

– Не то чтобы собственно жалею...

– Тогда собственно что? – Лиз задала вопрос и тут же поняла, каким должен быть ответ.

Она сделала три шага и оказалась на середине кухни. – Ты думаешь, я сломалась, когда разрушился наш брак? И теперь вот не могу быть ничем, кроме служанки?

– Ну...

Еще три шага – и она оказалась рядом с ним.

– Радость моя, эта компания принадлежит мне! Это я создала «Веселых служанок».

Она откинула голову назад, посмотрела ему в глаза и тут же раскаялась в этом. Его взгляд сказал ей, что желание пробудилось и в нем. Она шумно выдохнула.

Он отступил на шаг и отвел взгляд.

– Ничего себе...

– Позвони своей секретарше. Она вела переговоры со мной. И я подписывала контракт.

– Если ты – хозяйка фирмы, почему сама убираешь мой дом? – Он запнулся. Его глаза сузились. – Неужели... шпионишь за мной?

– Шпионю? Через три года после развода? – Она с отвращением отвернулась от него, но тут же вновь повернулась. – Знаешь, твое самомнение не имеет границ. Меня наняла твоя секретарша. Она не назвала мне твоего имени. Она предложила мне производить уборку дома президента компании «Кейн корпорейшн». Насколько я помню, твоя компания называлась «Нестор констракшн».

– «Нестор констракшн» – подразделение «Кейн корпорейшн».

– Замечательно! – Лиз отошла на середину кухни. – Так вот. У меня шесть служащих и заказов на семерых. Но я не могу нанимать новых людей и работать целый день только в офисе, пока у меня не будет заказов на восьмерых. – Она не стала говорить ему, что старалась дать работу всем женщинам, которых опекает благотворительная организация «Истинный друг», предоставляющая временное жилище женщинам, которые хотели начать жизнь сначала. – Тогда наши доходы будут такими, что я смогу получать зарплату, сидеть в офисе, вести бухгалтерию и переговоры и пробовать расширить дело.

– Расширить?

– Я собираюсь заняться еще и уходом за садами и чисткой бассейнов. – Она поправила выбившуюся из пучка прядь волос. – Но это потом. Пока я занимаюсь работой по дому. И мне очень нужно набрать еще тридцать клиентов. – И когда Кейн присвистнул, добавила, гордо выпрямившись: – Это не так сложно в таком городе, как Майами!

– Я свистнул не потому, что это сложно. Я поражен. Когда ты начала это дело?

Она замялась:

– Три года назад.

– Ты основала фирму после того, как мы развелись?

Лиз вскинула подбородок. Он не заставит ее раскаяться в этом выборе!

– Нет. Сначала я взяла несколько заказов на уборку, чтобы продержаться... И дело пошло.

– Я предлагал тебе содержание.

– Я его не хотела.

Она откинула плечи назад и поймала его взгляд. Да, она ошибалась. Ей казалось, что, если они вдруг встретятся, разговор непременно пойдет о том, почему она ушла, не сказав ни слова. А вместо этого шлюзы их желания открылись, и она готова была поставить последний цент на то, что ни один из них не думал сейчас о прошлых ссорах. Взгляд его темных глаз напомнил о батистовых простынях, о днях, проведенных в постели...

– Через год у меня набрались заказы на целый рабочий день, мой и еще одной женщины. Еще через шесть месяцев у меня было уже четверо служащих. Тогда я поняла, что могу превратить этот бизнес во что-то действительно серьезное.

– Я знаю, что это такое – строить широкие планы, стремиться к успеху. – Кейн отвернулся. – И, как ты правильно заметила, мы не будем встречаться.

– Тебя это на самом деле устраивает?

– Да! – Он опять повернулся к ней: – Ты не хочешь первым делом взяться за стирку? У меня практически не осталось чистого белья.

Лиз засмеялась, и перед ней вдруг всплыли картины из иного времени, в ушах зазвучал иной смех, и ей показалось, что время поймало ее в ловушку. Их брак кончился так скверно, что она совсем было забыла добрые времена, и вдруг они ожили, поднялись на самую поверхность. Но так нельзя! Шесть лет и моря слез легли между ней и теми добрыми временами, когда она и Кейн поехали в Лас-Вегас с друзьями, которые хотели пожениться именно там, и тут же поженились сами. А через несколько недель после свадьбы добрые времена начали наступать все реже, длиться все меньше, и к тому моменту, когда она ушла от него, просто перестали существовать.

И вот теперь она – его домработница.

- А где грязное белье? В корзине?
- Да. В ванной комнате.
- Тебе есть чем занять примерно час?
- Да.
- Ты пойдешь к себе в комнату или кабинет?
- Мой кабинет в конце коридора.

Через час Кейн остановил машину на парковочной площадке перед зданием своей компании и в личном лифте поднялся прямо к себе в приемную.

– Ава!

Он прошел в свой кабинет, положил портфель на столик рядом с письменным столом. Ему удалось заставить себя не думать о том, как Лиз ходит по его дому и пылесосит, пока работает стиральная машинка. Надо отдать ей должное. Она не пошла к нему в кабинет, не швырнула чистое белье на документы, которые он просматривал. Просто крикнула, что белье готово. Но вид аккуратно сложенных у него на кровати чистых вещей пробудил в нем нежелательные эмоции, те самые, которые до сих пор часто нарушали его покой...

Когда они были женаты, Лиз настаивала, что будет стирать сама. Не хотела брать помощницу. Сидела дома, вела его хозяйство.

Он смотрел на стопку белья, а годы уходили вспять, и чувства, которые ему удалось загнать глубоко внутрь, вырывались на поверхность, как лава из жерла вулкана. Они обожали друг друга. Ни до ни после он не знал ни одной женщины, с которой чувствовал бы то же, что с Лиз.

Вероятно, его выбил из колеи тот факт, что он оказался тогда почти голым. Иначе он не согласился бы на ее работу у него. Так не должно было быть. Ни в коем случае! В последний год их брака они причиняли друг другу невероятную боль. Лиз ушла, не оставив даже записки. А позже с ним связался ее адвокат. Она не захотела принять его деньги, не захотела сказать ему «до свидания». Она просто хотела быть подальше от него. А он... он почувствовал облегчение, когда она ушла. Им нельзя даже просто находиться в одной комнате.

Получив чистое белье, Кейн быстро оделся и уехал, не повидавшись с ней. Он спрашивал себя, стоит ли попросить Аву позвонить Лиз и предложить направить к нему в дом другую работницу? Но ведь Лиз не попала к нему на глаза, как и обещала...

– Скажите, пожалуйста, Ава, – спросил он, когда его низенькая, полная, лет пятидесяти секретарша вошла в кабинет. – Почему вы выбрали «Веселых служанок»?

Она ничуть не смутилась.

– Я получила прекрасные отзывы об этой фирме, и они ищут новых клиентов. – Она посмотрела на него поверх черной оправы очков: – Знаете ли вы, как трудно найти в Майами хорошую домработницу?

– Вероятно, очень трудно. Иначе я бы какой-нибудь уже обзавелся.

– Я делала все от меня зависящее. Это вы... – Она вдруг смутилась. – О, вы были дома, когда она пришла?...

– Был. Выходил из ванной, практически голым, только в полотенце вокруг бедер.

Ава прижала руки к груди:

– О, простите меня. – Кейн внимательно изучал выражение ее лица, стараясь понять, знает ли она, что Лиз – его бывшая жена. Но она казалась невинной, как овечка. – Я должна была догадаться, что вы захотите поспать подольше после такой долгой дороги. Пожалуйста, извините меня.

– Ничего, все в порядке.

– Нет, серьезно, мне очень жаль. Я знаю, как вам неприятно общаться с людьми. – Ава подошла к столу. – Но давайте не будем говорить об этом. Инцидент исчерпан и больше никогда

не повторится. – Она указала на бумаги у него на столе: – Это почта. Накопилась за неделю. Вот эта стопка – сообщения на автоответчике. Я распечатала их для вас. Люди любят поговорить. – Она подняла голову и улыбнулась. – А я поговорю с этой женщиной и попрошу не приходить раньше девяти.

– Ничего. С ней все в порядке.

Теперь, когда ему удалось овладеть своими эмоциями, он мог рассуждать здраво. Лиз так и не вышла, когда он уезжал. Значит, хочет видеть его не больше, чем он – ее. Если он что-то знал о Лиз, так это то, что она человек честный. И если она сказала, что больше он ее не увидит, значит, сделает все, что в ее силах, чтобы так и было. В этом смысле она, по крайней мере, осталась прежней. Хотя это она ушла от него, их брак распался по его вине. И не стоит огорчать ее по пустякам. Он и так принес ей немало огорчений.

– Нет-нет, позвольте мне позвонить ей, – возбужденно чирикала Ава. – Я знаю, вам неприятно, когда кто-нибудь мелькает у вас перед глазами. Это же моя работа.

– С одной служанкой я справлюсь. Мне не придется иметь с ней дела. На следующей неделе в семь тридцать меня уже не будет дома. Так что нет проблем.

Кейн сидел в кресле у стола и размышлял. Была ли Ава права, когда сказала, что он не любит общаться с людьми? Что с ним действительно так трудно иметь дело?

Впрочем, это не важно. С нужными ему людьми он ладить умеет.

Кейн потянулся к стопке бумаг. Ава вскрывала всю его почту и сортировала – документы, письма, планы различных мероприятий... На самом дне стопки лежал невскрытый конверт.

Он крутил его в руках, пока не прочитал обратный адрес. И понял, почему этот конверт остался невскрытым. Письмо от его родителей. На этой неделе был день его рождения, а он и забыл... Но родители, конечно, помнят. Сестра, вероятно, тоже.

Кейн вскрыл конверт и извлек нечто в защитной упаковке. Картина в рамке? Он открыл упаковку и замер.

Семейная фотография. Приклеенная к рамке записка гласила: «Я решил, что тебе будет приятно иметь ее перед собой на столе. С днем рождения».

На родителях – лучшая праздничная одежда. Платье сестры словно подобрано на помойке. Ей тогда было шестнадцать, так что это вполне могло быть. Кейн одет в костюм, как и его брат Том, положивший руку ему на плечо.

«Если у тебя будут неприятности, – говорил ему Том сотни раз, – звони мне. Не маме, не папе. Я вытащу тебя, а уж потом расскажем старикам».

Кейн усмехнулся. Том всегда называл родителей стариками. Или опекунами. Родители – на редкость добрые, широко мыслящие люди. Но Том любил шутки. Любил играть словами. У него было чувство юмора, которое делало его душой любой компании.

Кейн вложил фотографию обратно в конверт. Он понял, что хотел сказать ему отец. Прошло шесть лет. Пора двигаться вперед. Вспоминать Тома по-хорошему, а не с тоской. Перестать терзаться мыслью, что его брат, самый добрый, умный, веселый из Несторов, погиб за три дня до своей свадьбы, через три недели после свадьбы Кейна и Лиз.

Но Кейн никогда не сможет избавиться от тоски по брату.

Глава 2

Элли Свенсон, нагруженная коробками с продуктами, которые надо было занести в один из принадлежащих «Истинному другу» домов, повернулась к Лиз:

– Ты шутишь?

– Ничуть. Мой сегодняшний утренний клиент оказался моим бывшим мужем.

Лиз не собиралась рассказывать Элли про Кейна. Это получилось как-то само собой. Как всегда, когда имеешь дело с Элли – милой, умной, веселой девушкой двадцати двух лет, которая связалась не с тем мужчиной. Лиз дала ей работу и быстро поняла, что выиграла от этого гораздо больше, чем Элли. Девушка скоро стала неоценимым работником. Лиз не просто занималась уборкой и доставкой продуктов для подопечных «Истинного друга», она старалась дать работу каждой жительнице домов-убежищ. Она твердо верила, что любому надо предоставить еще один шанс.

Элли плечом открыла заднюю дверь и оказалась в чистой, хоть и нуждавшейся в ремонте кухне.

– Как это могло случиться?

– Ава, его секретарша, наняла нас убирать дом президента «Кейн корпорейшн».

– И ты не знала, что это твой бывший муж?

Лиз поставила коробки с продуктами на стол.

– Когда мы были женаты, Кейну принадлежала только «Нестор констракшн». Похоже, за три года компания разрослась. А он нашел себе дом попросторнее.

Ей было до некоторой степени обидно, что он продал их дом на набережной. Но она не удивилась. Кейн находился в таком отчаянии после смерти брата, так тосковал, что целиком отдался работе. И большой дом у пляжа, видимо, был чем-то вроде награды за труды.

Элли вышла из кладовки, куда относил консервы:

– На следующей неделе убирать его дом пойду я!

– Нет! – Лиз покачала головой. – Он решит, что я испугалась и сбежала. Я сама пойду. И потом, у меня есть для тебя другая работа. – Она порылась в сумочке, достала заявление о приеме на работу молодой женщины по имени Рита, с которой беседовала накануне, и протянула Элли: – Что ты об этом думаешь?

– Мне кажется, здесь все в порядке. – Та подняла глаза на Лиз: – Ты проверяла ее рекомендации?

– Да. Но она живет в одном из домов «Истинного друга». Как только мы тут закончим, отправимся к ней и скажем, что она принята и будет работать с тобой.

– Хочешь, чтобы я ее поучила?

– Я хочу постоянно находиться в офисе. – Каким бы он ни был. Стол и стулья из комиссионного магазина, кондиционер почти никогда не работает, кафель на полу требует замены. Глаз радуют только ярко-желтые стены и желтый с черным ковер, который скрывает большую часть пола. Тем не менее ее положение гораздо лучше, чем положение женщин, обращающихся в благотворительную организацию. Работа с ними помогала Лиз сохранять чувство реальности. Прошло не так много времени с тех пор, как мать сбежала вместе с Лиз и ее сестрами от мужа-тирана... – А для этого я должна сделать тебя моей заместительницей. – Элли подняла глаза от коробок с продуктами. Лиз улыбнулась: – Продвижение по службе предполагает увеличение зарплаты.

Элли открыла рот, уронила консервную банку и бросилась обнимать Лиз.

– Я буду работать лучше, чем кто-либо!

– Я знаю.

– Нет, серьезно! И я займусь домом твоего бывшего.

– А вот это не обязательно. Мой муж меня не обижал. Помни об этом. Он просто отдался от меня.

Переживал гибель брата. – Она пожала плечами. – И потом, мы с ним даже не будем видеться.

Лиз убеждала Элли, но сама не была уверена в этом на все сто процентов. Они с Кейном не будут видеться, но она будет дотрагиваться до его вещей, касаться каких-то моментов его жизни, теревить старые раны...

Лиз и Элли разложили продукты и быстро обошли дом – убедиться, что все чисто и прибрано. Вечером сюда приедет новая семья и пробудет здесь несколько недель. Отдохнуть, прежде чем двигаться дальше по жизни.

Пятница. Утро. Лиз, согласно расписанию, должна сегодня убирать дом Кейна. Сидя в ярко-желтой машине «Веселых служанок» недалеко от его дома, она убеждала себя, что ее совершенно не волнует, что она там застанет. Даже если обнаружит у него в постели кружевные трусики, все равно – это ее не касается.

Укрепившись духом, она подождала, пока он выехал из дома в своем великолепном черном «порше» и повернул в другую сторону. И все равно – вид этого автомобиля напомнил ей об их поездках по берегу океана. Верх машины откинут, ветер раздувает ее волосы...

Она закрыла глаза. Да. Их брак был ужасен. Кейн оказался замкнутым трудоголиком. А после смерти брата вообще почти перестал разговаривать. Деловые встречи были для него важнее выходных в ее обществе. Пока она была его девушкой и приезжала к нему из Филадельфии, он как-то находил для нее время. Когда же поженились, свободное время у него исчезло. Ей было безумно одиноко. А когда они все-таки бывали вместе, Кейн был рассеян – думал о своей компании, о предстоящей работе. И даже не пытался допустить ее в свою жизнь. Так зачем вспоминать все это?

Дом Кейна ничего не говорил о своем хозяине. Никаких фотографий, никаких подарков на память. И Лиз решила, что очень просто будет вообразить себе, будто это дом постороннего человека. Она выбросила мысли о Кейне из головы и сосредоточилась на работе. А закончив, просто заперла дом и уехала.

На следующей неделе Лиз решила, что ранний приезд в его дом был ошибкой. И она просто перенесла эту работу в своем расписании с первого места на второе с тем, чтобы уж точно не застать Кейна ни дома, ни возле «порше». Войдя в его кухню, она опять постаралась выбросить мысли о нем из головы, сделать вид, что это дом какого-то незнакомого человека.

Когда она закладывала в машинку первую порцию белья, ей что-то послышалось. Но нет, все тихо. Она вернулась на кухню, говоря себе, что у нее разыгралось воображение. Сложила посуду в посудомоечную машину, включила ее.

Следующий час, в промежутках между стирками, Лиз убирала первый этаж. Когда все белье было выстирано и аккуратно сложено, она поднялась наверх, вошла в его спальню, довольная тем, как ловко умудряется не думать о хозяине дома, – и замерла.

– Кто там? – Раздавшийся с кровати хриплый голос не был похож на голос Кейна, но даже в полумраке она видела, что на кровати лежит именно Кейн.

– Это я, Лиз. Занимаюсь уборкой.

– Лиз?

Слабость его голоса испугала ее. Она положила белье на туалетный столик и бросилась к кровати.

Его встрепанные черные волосы были мокрыми от пота.

– Моя жена Лиз? – пробормотал он невнятно.

– *Бывшая* жена. – Она положила руку ему на лоб. – Да ты весь горишь!

Лиз бросилась в ванную, нашла аспирин, налила в стакан воды и вернулась в спальню.

– Вот, – сказала она, протягивая ему две таблетки.

Кейн молча взял таблетки и послушно проглотил их, запив водой. Она не удивилась, что он почти сразу откинулся на подушки и уснул.

Лиз закончила уборку, говоря себе, что ей нет дела до того, что он лежит там, в своей спальне, но уйти, не посмотрев, как он себя чувствует, она не смогла.

Кейн все еще спал. Она опять положила руку ему на лоб и нахмурилась. Несмотря на аспирин, жар не спадает. И он совершенно один. Нехорошо бросать его в таком состоянии. Можно позвонить его секретарше. Но секретарша не должна ухаживать за своим боссом, когда он болеет гриппом. Вообще говоря, бывшей жене тоже не следует это делать, но его семья за тысячу миль отсюда, в Канзасе. И Лиз показалась самой себе меньшим из двух зол.

Она тихонько вышла из комнаты, достала свой мобильный телефон и позвонила Элли.

– Привет, дорогая, – сказала Элли, увидев на дисплее номер Лиз.

– Привет, Элли. Рита с тобой?

– Ну да. Она прекрасно работает.

– Это хорошо, потому что, кажется, ей придется сделать за меня мою вечернюю работу.

– Одной?

– Есть проблемы?

Еолос Элли вдруг стал деловым:

– Она прекрасно справится. Эй, босс, я же знаю, где ты. Что-нибудь случилось?

– Нет, все в порядке. Просто я решила вечером не работать. – Лиз пожалала плечами. Это не было ложью – она не собиралась не работать. Но и развлекаться, как подозревала Элли, тоже не собиралась. – Остаток дня я буду недоступна. Предупреди девочек. Если возникнут проблемы, пусть звонят тебе, а не мне.

– Так точно, босс! – сказала Элли и рассмеялась. – Как здорово!

Лиз улыбнулась. Хорошо, что Элли нравятся ее новые обязанности.

– До завтра, дорогая.

Она выключила телефон и пошла на кухню. Да, она обещала себе, что не будет проверять, есть ли у Кейна еда, но сейчас, когда он так болен, ему нужны, по крайней мере, куриный бульон и апельсиновый сок. Не найдя ни того ни другого, она взяла сумку, ключи и вышла на улицу.

Купив противогриппозные препараты, куриный бульон, апельсиновый сок и книжку в бумажной обложке, она вернулась. Взяв чистый стакан, тихонько вошла в спальню. Он не спал.

– Лиз?

– Да. Я принесла лекарства. Примешь?

– Конечно.

– Тогда присядь.

Она вылила порцию лекарства в маленький пластмассовый стаканчик и протянула Кейну. Он одним глотком выпил густой сироп, вернул ей стаканчик и опять лег.

Она отнесла лекарства в ванную. И вдруг испугалась. Уход за ним мог вылиться в проблему. Нет, она боялась не того, что ею овладеет прежнее чувство к нему. Завтра она забудет об этом, хотя бы потому, что уже одна мысль о связи с ним вызывает болезненные воспоминания.

Но Кейн терпеть не может быть кому-либо чем-либо обязан. Если она пробудет с ним слишком долго или сделает для него слишком много, он решит, что он у нее в долгу. А для него оказаться у кого-то в долгу значит проявить слабость. А он никогда не проявляет слабость.

Убедившись, что он уснул, Лиз вышла из комнаты, пошла к машине, нашла там брюки и футболку, переделалась в ванной на первом этаже, взяла книгу и стакан с апельсиновым соком, и, устроившись на софе в кабинете, погрузилась в чтение.

Она подходила к Кейну примерно раз в час, убеждалась, что он спит, и возвращалась в кабинет. Но когда, зайдя к нему в четвертый раз, она уже закрывала за собой дверь, он позвал ее:

– Ты куда?

Она опять подошла к его постели:

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. – Кейн сел. – Иди обратно в кровать.

Она поняла: от жара он бредит, путает прошлое и настоящее. Лиз улыбнулась, принесла немного воды и приложила стакан к его губам.

– Пей.

Пока она держала стакан у его губ, он положил руку ей на бедро, потом опустил ниже. От неожиданности Лиз едва не разлила воду. После разрыва с Кейном она ни с кем не встречалась, и прикосновение мужской руки показалось ей и пугающим, и чарующим одновременно...

Он улыбнулся:

– Мне уже лучше.

Стараясь не обращать внимания на разлившуюся по ней теплоту, она произнесла голосом строгой няни:

– Ты бредишь.

Он гладил ее слабой рукой, тоскливо глядя затуманенными лихорадкой глазами.

– Пожалуйста. Мне правда лучше. Ложись в постель.

Эти слова Кейн произнес хриплым шепотом, со страстью, которая, казалось, жила в нем, как самостоятельное существо. Лиз напомнила себе, что это не Кейн. Тот Кейн, за которого она вышла замуж, был холодным, замкнутым человеком. Но что-то в ней не могло не признать, что сейчас он такой, каким она всегда хотела его видеть. Любящий. Тянущийся к ней. Счастливым только лишь из-за того, что она рядом.

И это напугало Лиз больше, чем его рука на ее бедре. Желание и надежда уже подвели ее однажды, когда она так неожиданно вышла за него замуж в Лас-Вегасе. Он был тогда таким добрым, казался таким счастливым... И она наивно поверила, что, если они поженятся, а не будут жить за тысячи миль друг от друга, каждый их день будет счастливым.

И так действительно было – первые три недели. А потом погиб его брат, и Кейн вынужден был помогать отцу вести семейное дело в Канзасе, прибегая для этого к электронной почте и телефону, а еще руководить «Нестор констракшн». И брак стал для него еще одной обязанностью. Лишним грузом.

Вот о чем ей надо помнить. Она стала для него лишним грузом.

Лиз отстранилась от него, расправила плечи. Она ни для кого не будет лишним грузом. Никогда!

– Спи.

Вернувшись в кабинет, Лиз вдруг вспомнила, что, торопясь уйти из его спальни, забыла дать ему лекарство, и вернулась. Кейн мирно спал. Будить его она не хотела. Села на стул у окна, открыла книгу и стала читать при тусклом свете ночника у его постели. Когда он начнет ворочаться, она даст ему лекарство.

Кейн проснулся после самой скверной ночи в своей жизни. То его бил озноб, то он потел так, что промокала подушка. Его тошнило. Все тело ныло. Но самое ужасное – ему снилось, будто Лиз меряет ему температуру, дает лекарства, провожает в ванную.

Он со стоном отбросил одеяло и сел в постели. Он не хотел помнить, что чувствовал, когда она касалась ладонью его лба, когда наклонялась к нему и он вдыхал ее запах. От мысли, что она вернулась к нему, его охватывала сладкая тоска... Кейн глубоко вздохнул. Как можно

тосковать о женщине, которая сегодня делит с тобой ложе, а завтра исчезает без каких-либо объяснений?

Просто он дурень. Вот так! Он потерял ее, потому что мучился из-за гибели брата, заглушал муку работой, а для жены не находил времени. Не важно, *как* она ушла. Лиз не виновата. Вот почему он до сих пор желает ее.

В другом конце комнаты горел слабый свет. Он, видно, забыл погасить ночник. Повернув голову, Кейн увидел Лиз. Она сидела в кресле и смотрела на него.

Он облизнул пересохшие губы. Она так красива! Как фея... Длинные черные волосы, белая, как алебастр, кожа. На ней брюки и футболка. Он понял, что она выключила кондиционер. Вероятно, потому, что его знобило.

И все-таки как она оказалась в его спальне? Они же развелись три года назад.

– Почему ты тут? Как ты тут оказалась?

– Я твоя служанка. Забыл?

– Моя... служанка?

– Твоя секретарша поручила «Веселым служанкам» уборку твоего дома. Раз в неделю.

Он закрыл глаза и опять лег.

– Да, я вспомнил.

– Тебе было очень плохо, когда я приехала сюда в пятницу утром.

– В пятницу утром? – Он резко сел и охнул от боли в мышцах. – Какой сегодня день?

– Утро субботы. Успокойся.

Он впился в нее взглядом:

– Ты была тут всю ночь?

Лиз кивнула:

– Тебе было очень плохо. Я не могла тебя так оставить.

Он откинулся на подушки:

– Благородная Лиз.

– Именно поэтому люди пускают меня и моих работниц в свои дома для уборки. Моя репутация бежит впереди меня.

Он услышал в ее голосе улыбку и подавил волну воспоминаний.

– Думаю, я должен тебя поблагодарить.

– Ради бога!

– И кажется, извиниться за непристойные ласки.

– О, так ты помнишь?

На сей раз она рассмеялась. Мягкий звук достиг его, расслабил, навеял грусть о потерянном. Лиз больше не с ним... Он сам во всем виноват. Он чувствовал себя дураком, слабаком. Но он не позволит себе раскисать!

– Знаешь что? Я очень ценю твою помощь, но, мне кажется, я теперь справлюсь и сам.

– Ты меня выгоняешь?

– Я тебя не выгоняю. Я тебя освобождаю. Считай, что тебя выпустили из тюрьмы.

– Хорошо. – Она встала, взяла свою книгу и пошла к двери. Но у порога остановилась и внимательно посмотрела на него: – Ты уверен?

Кейн и не ждал от нее ничего, кроме полной самоотдачи. И почувствовал себя еще хуже. Он попытался улыбнуться:

– Совершенно. Я чувствую себя превосходно.

– Хорошо. – Она открыла дверь и вышла.

Кейн опустил голову на грудь. По воле судьбы он свалился с гриппом как раз в тот день, когда Лиз пришла делать уборку. Его реакция на нее показала, что встречаться с ней, даже как с приходящей домработницей, не стоит. Он будет снова и снова вспоминать и тосковать о невозвратимом.

Глава 3

Было пять часов, когда Лиз наконец легла в кровать. Элли позвонила около одиннадцати напомнить, что они должны пойти на пляж с Амандой Грей и ее детьми – той самой семьей, для которой они на прошлой неделе готовили один из домов «Истинного друга».

Лиз выбралась из-под одеяла и пошла в душ – приходить в себя. Потом надела шорты и майку в сине-белую полоску поверх белого купальника и поехала к временному жилищу Аманды. Маленькая синяя машина Элли уже стояла у дома. Лиз выбралась на жару и пошла вокруг дома к задней двери.

– Миссис Харпер! – Трехлетняя дочка Аманды радостно бросилась навстречу Лиз, и та замерла.

Лиз была среди тех, кто встречал Аманду и ее детей в этом доме, но только сейчас осознала, что ее ребенку могло быть столько же лет, сколько Джой...

Ее ребенку!

Сердце ее сжалось. Сейчас у нее мог бы быть ребенок. Но она его потеряла. И мужа потеряла. Потеряла все в одно мгновение.

Она сглотнула слезы. Приступ жалости к себе не был неожиданным. Но он был не к месту. Джой связалась у нее в голове с потерянным ребенком потому, что Лиз слишком много времени провела с Кейном. Но предаваться тоске не обязательно. Это было три года назад. Она лечилась. И пусть она ощущает потерю каждой клеточкой своего тела, но тем не менее надо идти вперед.

Аманда, высокая, рыжеволосая, голубоглазая женщина, поправила дочку:

– *Мисс Харпер*, а не *миссис Харпер*.

– Все в порядке, – сказала Лиз, входя в кухню. Все это надо преодолеть, если она собирается жить и работать в одном городе с бывшим мужем. Ей не избежать общения с детьми – ровесниками ее так и не родившегося ребенка. Но общение с ним и с ними, возможно, окажется следующим шагом по пути выздоровления. Она справится! Она должна справиться. – Тут очень вкусно пахнет.

– Я сделала французские тосты, – отозвалась от плиты Элли. – Хочешь?

– Нет, спасибо. И так уже очень поздно. – Лиз заглянула в сумку для пикника, которую Элли захватила по ее указанию. – Когда доберемся до пляжа, я перекушу фруктами.

Элли сняла фартук и убрала в кладовку:

– Я готова.

– Пойду позову Билли, – сказала Аманда и вышла.

Как только они остановились у пляжа, шестнадцатилетний Билли побежал играть в волейбол со своими ровесниками. Аманда помахала ему вслед рукой. Она и не ждала ничего другого.

Следующие несколько часов Аманда, Элли и Лиз провели за строительством песчаного замка для Джой. Девочка была в восторге.

Около четырех часов дня Аманда и Элли оставили свои строительные работы и занялись приготовлением к пикнику.

– Вы любите играть в песок? – спросила Джой у Лиз.

Лиз посмотрела на маленького ангелочка. Ветер растрепал тонкие белокурые волосы девочки, голубые глазки блестели. Шок от осознания того, что ее несостоявшийся ребенок был бы ровесником Джой, уже прошел. Лиз нашла в себе силы принять как данность эту горькую правду своей жизни. В этом-то и разница между ней и Кейном. Она умеет справляться со своими потерями, не позволяя себе превратиться в человеконенавистницу.

– Я очень люблю бывать на пляже. Особенно в хорошей компании.

Они съели приготовленные Элли сэндвичи и фрукты, и Джой уснула под пляжным зонтиком. Аманда, явно успокоившаяся, довольная, легла рядом с дочкой и тоже закрыла глаза.

– Так что ты делала вчера? – спросила Элли тоном, не оставлявшим сомнений в том, что она поняла, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

Лиз внимательно посмотрела на свою помощницу. Может быть, у нее есть шестое чувство?

– Ничего особенного.

– Ты никогда не отказываешься от работы. Я знаю, что-то случилось.

Лиз взяла тубик с кремом от солнца и стала сосредоточенно мазаться.

– Я ухаживала за больным другом.

Элли лукаво улыбнулась:

– И кто же этот друг?

– Просто друг.

– Мужчина!

– Этого я тебе не говорила.

Элли рассмеялась:

– А зачем? Раз ты не говоришь, кто это, значит, я права. Ты не просто взяла выходной. Ты была с мужчиной, и я должна считать, что это пустяки?

– Должна. Потому что я больше с ним не увижусь.

– Откуда ты знаешь? – И Элли, набрав побольше воздуха в легкие, торжественно произнесла: – Я желаю, чтобы ты с ним почаще виделась!

– Дело в том, что это был мой бывший муж...

Элли вытаращила глаза:

– О, Лиз! Черт! Ты могла мне сказать до того, как я прочла свои заклинания. Ты же знаешь, какую силу имеют мои желания!

– Так возьми свое желание обратно.

– Не могу.

– Лучше возьми, или черед твоих исполненных желаний оборвется. Потому что я не собираюсь больше его видеть.

Как глупо...

Лиз вдруг стало грустно. Она любила Кейна всей душой и сердцем, старалась утешить, быть с ним, ждала, когда он наберется сил, чтобы одолеть свое горе, свою замкнутость, но этого так и не случилось...

И вдруг однажды она поняла, что беременна. Она чувствовала, что Кейн не готов стать отцом. Она ждала несколько недель в надежде, что, если срок будет больше, ее беременность покажется ему естественнее. Может быть, он даже обрадуется...

Но выкидыш произошел раньше, чем представился случай сказать ему, и Лиз вдруг сама стала нуждаться в помощи. По крайней мере, в ком-то, с кем можно поговорить. Говорить с Кейном она не могла. Она не перенесла бы, если бы он счел не важным, что оборвалась эта крохотная, такая дорогая ей жизнь. И она уехала. Все равно их брак уже распадался. Несчастье просто заставило ее осознать то, что она давно уже чувствовала: Кейн стал эмоционально недоступен.

Расторжение этого брака было самым правильным шагом. Лиз прошла курс лечения, пошла по жизни дальше, и теперь у нее все было хорошо. И Кейн пошел дальше. Добился успеха, о котором всегда мечтал. Так что грустить, в общем, не о чем.

Остаток дня она провела, барахтаясь в прибрежных волнах с Джой. Пока мысли о выкидыше и Кейне не растворились в океане.

Прошла неделя. Уверенная, что Кейн уже уехал на работу, Лиз спокойно вошла на кухню. И замерла. Кейн стоял у кухонного стола, на котором красовалось блюдо с вафлями.

– Доброе утро.

Они не должны были встречаться! Именно поэтому Лиз считала, что может выполнять эту работу. Но она всего четыре раза приходила убирать его дом, и он трижды оказывался дома!

И вот опять!..

– Ты, наверное, здорово голоден.

Он рассмеялся:

– Это верно. Но вафли для тебя. В благодарность за то, что помогла мне на прошлой неделе.

Внутри ее все сжалось. Это надо было предвидеть. Она же знает, что Кейн терпеть не может быть у кого-то в долгу.

Лиз с трудом вздохнула. Она ни разу, с того самого их путешествия в Лас-Вегас, не ела вафли. В основном потому, что не хотела вспоминать, как тогда было хорошо...

– Это не обязательно.

– Я знаю, что не обязательно, но я хочу поблагодарить тебя.

– Ты меня уже поблагодарил. Твоих слов вполне достаточно.

Он вздохнул:

– Просто сядь и съешь вафлю.

– Нет! – Это единственное слово вышло очень злым, и она улыбнулась, чтобы смягчить впечатление. – Спасибо, но нет.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Он не понимал, почему Лиз не хочет с ним позавтракать. Им было так хорошо в тот единственный раз, когда они вместе ели вафли. Может быть, именно поэтому он их и выбрал?

А она уже раскаивалась. Но раскаяние – глупое чувство.

Лиза повернулась и пошла к двери.

– Пока ты завтракаешь, я займусь вторым этажом.

Кейн сделал вид, что ее отказ съесть благодарственные вафли его не расстроил. Было не так сложно, при его занятости на работе, выбросить эти вещи из головы. Но в субботу утром, когда он вышел на своей яхте в океан, на душе у него было скверно.

Лиз – самая добрая женщина на свете, в этом нет сомнений. А он обидел ее. Обидел так сильно, что она не смогла заставить себя просто из вежливости позавтракать с ним.

Когда три года назад она ушла от него, Кейн испытал некоторые угрызения совести, но в основном – облегчение. Он быстро потопил оба чувства в работе – как всегда. Но тут, в океане, солнце било ему в лицо, а правда – в душу, и он остро ощущал, что должен как-то загладить свою вину. Расплатиться за все. За опрометчиво заключенный брак, за ужасы трех лет совместной жизни, за тяжкий развод и, возможно, за последующие страдания.

Он в долгу перед ней. А он терпеть не мог быть кому-либо что-либо должным. Но то, что Лиз отказалась от его вафель, означало, что ей не нужен широкий жест. Черт, ей вообще не нужны никакие жесты! Но он должен облегчить душу и что-то для нее сделать. Кейн очень, очень хорошо умел угадывать, что нужно людям. Отчасти именно этому своему умению он и был обязан своими успехами в бизнесе. Десятиминутного разговора бывало достаточно, чтобы понять, чего на самом деле хочет собеседник, а потом использовать это знание и добиться того, чего хотел он сам. Так будет и с Лиз. Он даст Лиз то, что ей действительно требуется, и его совесть будет спокойна. Анонимно, естественно. И все будет в порядке. Он сможет опять исчезнуть из ее жизни, и они оба продолжат идти той дорогой, которую избрали для себя друг без друга.

Он позвонил ей, но попал на автоответчик. В понедельник утром результат был тот же. Оставлять ей сообщения, на которые она не отвечала, было глупо, и Кейн решил дождаться пятницы. Она может не отвечать на его звонки, не завтракать с ним, но не может не прийти на работу. А в своем собственном доме он сумеет с ней поговорить.

Зная, что она может и не зайти, если поймет, что он дома, Кейн стоял так, чтобы его не было видно с улицы, пока не услышал, как задняя дверь открылась, потом закрылась. Тогда он вышел на кухню:

– Лиз!

Женщина в желтом передничке обернулась:

– Мистер Нестор?

– О, извините.

Ну и ну! Лиз не только отказалась от его благодарственных вафель и игнорировала его звонки – она послала к нему в дом кого-то из своих служащих!

Кейн извинился перед женщиной.

Но ему надоело ходить на цыпочках! Они объяснятся, хочет она этого или нет. Взяв у Авы адрес «Веселых служанок», Кейн сел в машину.

В час пик дорога заняла сорок минут вместо положенных двадцати. Добравшись до места, он увидел, как из двери офиса высыпали женщины в желтых передничках. И тут же мимо него пронеслась Лиз в своем уродливом зеленом автомобиле.

Проклятие!

Нажав на акселератор, Кейн стрелой помчался за ней. Он не был уверен, стоит ли ехать к Лиз домой. Она может расценить это как вторжение в ее личную жизнь. Но в тот момент он думал только о том, что она отвергла его вафли и подлила масла в огонь, послав к нему в дом другую уборщицу.

Он хотел снять с души груз. Ему нужно было только десять минут. Она не дала ему их. Ну так он сам возьмет! Кейн стал обдумывать, как объяснить свой приезд, и вдруг понял, что у него есть идеальный предлог. Он может спокойно, ласково спросить ее, почему она ушла от него безо всяких объяснений? Прошло три года. Она должна была успеть успокоиться. Он, по крайней мере, успокоился. Конечно, Кейн знал, почему она ушла. Он оказался никудышным мужем. И это она может захотеть ему высказать. Чтобы облегчить душу.

Он не будет суров. Он даже скажет слова, которые женщинам нравится слушать. Что он хочет поговорить. Так сказать, «расчистить поле». Опустить занавес так, чтобы оба они жили спокойно. На самом деле он просто даст ей шанс выговориться. Она, вероятно, будет от этого в восторге.

Кейн довольно улыбнулся. Гениально придумано! Лиз не устраивает скандалы. Даже не сердится. Она, вероятно, спокойно скажет ему, что ушла потому, что жизнь с ним была сплошным кошмаром, и он униженно согласится, не станет спорить, покажет ей, что действительно хочет достойной развязки.

Он ехал от нее на расстоянии двух машин. Кейн не удивился, что Лиз держит путь в те кварталы, где обитают не самые богатые представители среднего класса. Она не считала себя принадлежащей к высшему обществу, и это было одной из причин, почему их брак не удался. Лиз вечно боялась что-нибудь ляпнуть или сделать что-то не то в присутствии его богатых друзей. Боялась даже бывать у них и приглашать их в гости.

Она подъехала к бедному домику, вышла из машины и вошла внутрь. Кейн проехал чуть дальше. Постоял минуту, чтобы успокоиться и привести мысли в порядок. Прежде всего он извинится за то, что предложил ей вафли. Он просто не учел всей сложности ситуации. Потом скажет, что не хочет, чтобы между ними остались обиды или недосказанности. А между тем будет делать то, что так хорошо умеет – наблюдать, слушать, стараться понять, как ей можно помочь.

Наконец он вышел из машины и позвонил в дверь. Ему открыла девочка лет трех.
– Мама! – закричала она и бросилась обратно в дом. – Мама! Там чужой дядя.

От удивления Кейн открыл рот. И вдруг весь напрягся. Эта девочка – могла она быть его дочкой?

В прихожую выбежали Лиз и незнакомая рыжеволосая женщина. Девочка так естественно спряталась за спину рыжеволосой, что сразу стало понятно, чья она дочь.

Лиз стояла, загородив собой входную дверь, готовая к бою.

– Ах, это ты! – Она тяжело вздохнула и повернулась к другой женщине. – Это мой бывший муж, Кейн.

Кейн, еще не оправившийся от осознания, что он, может быть, отец девчухи, быстро проговорил:

– Я приехал извиниться за вафли, в прошлую пятницу.

– Извинения приняты. А теперь уходи.

Уф! Он не помнил, чтобы у нее была столь быстрая реакция.

– Нет, я не могу. То есть я хочу сказать, тебе не надо было посылать ко мне сегодня другую уборщицу. – От смущения он говорил все быстрее и быстрее. И сбивчивее. Куда делось его самообладание? То самое, которое помогало ему выходить победителем из дебатов с банкирами и поставщиками?

Испарилось. Потому что Лиз – не банкир и не поставщик. Она – обычный человек. Его бывшая жена. Только сейчас он понял смысл слов, которые сказала ему Ава. Он не умеет разговаривать с обычными людьми. Поэтому у него и нет личной жизни.

Но ему необходимо было поговорить с ней!

– Ты не могла бы уделить мне десять минут?

– Для чего?

Он улыбнулся так чарующе, как только мог:

– Десять минут, Лиз. Это все, о чем я прошу.

Лиз вздохнула и обернулась к женщине у себя за спиной. Та сказала:

– Вы можете пойти в патио.

– Это не твой дом? – удивился Кейн.

– Нет.

От смущения он зажмурился, потом повернулся к рыжеволосой женщине:

– Извините меня, миссис...

Та опять пожала плечами:

– Просто Аманда. Ничего. Все в порядке. Это и не мой дом на самом-то деле.

– Тогда чей же?

Лиз жестом пригласила его пройти за ней в холл и дальше, на кухню.

– Я объясню тебе в патио.

Голубоглазая девчуха побежала за ними к двери во внутренний дворик. Но Лиз остановила ее и опустилась на корточки рядом с ней:

– Джой, а ты побудь с мамой. Хорошо?

Девочка жалобно хныкнула и кивнула.

Лиз улыбнулась ей, крепко обняла, потом встала. Что-то странное закипало у Кейна в груди, что-то, о чем он никогда не думал, когда они были женаты... Лиз могла бы быть очень хорошей матерью. Он знал, что она хотела иметь детей, но после гибели его брата они никогда не говорили о детях. Может быть, поэтому она и ушла? А если да, если для нее важнее всего было иметь ребенка, как он вернет ей этот долг?

Лиз, не глядя на него, бросила:

– Сюда.

Они вышли в маленький, мощный брусчаткой внутренний дворик. Бассейна здесь не было. Только столик и пара стульев под зонтиком и газовый гриль.

Она села за стол. Он последовал ее примеру.

– Так чей это все-таки дом?

– Он принадлежит благотворительной организации «Истинный друг». – Она понизила голос до шепота и наклонилась к нему, чтобы он мог ее слышать: – Кейн, я не могу тебе многое сказать. Это благотворительная организация, которая помогает женщинам, вынужденным начинать все сначала. Они живут в таких домах, пока не встанут на ноги.

Кейн сразу понял суть дела:

– Они – жертвы жестокого обращения?

– Да. Только мы стараемся не говорить об этом, когда наши клиентки могут нас слышать. Мы стараемся убедить их, что они – такие же полноправные члены общества, как все, а вовсе не отщепенки, которые без благотворительности просто погибнут. Мы хотим, чтобы они видели в нас друзей, а не попечителей.

Кейн наклонился ближе к Лиз и ощутил аромат ее шампуня. И тут же вспомнил ее в день их первой встречи... Нежную, милую, робкую. Она боялась вступать в беседу. Ему потребовалось приложить усилия, чтобы она рассказала ему о себе самые обычные вещи.

В тот день он легко вел разговор. Желание обладать ею было так сильно, что он вдруг научился красноречию.

Он потерял шею у затылка. Это нехорошо – сидеть к ней так близко. Кровь закипала в жилах от мысли, что он потерял эту женщину...

– Значит, это благотворительность.

– Да.

Он огляделся вокруг.

– А ты что тут делаешь?

– «Веселые служанки» вносят свой вклад: бесплатно делают уборку в освобождающихся домах «Истинного друга». А еще я покупаю продукты и все, что нужно для уборки помещения. Я вхожу в комитет, который встречает вновь прибывающих в такие дома женщин и помогает им акклиматизироваться.

– «Истинный друг»?

Она кивнула.

Кейн замолчал, обдумывая то, что она ему рассказала. Он решил свою задачу. Если женщина не только бесплатно предоставляет услуги своей компании, но и закупает продукты, значит, эта благотворительная организация ее волнует. И если он сделает что-то для «Истинного друга», то тем самым сделает что-то хорошее для нее. Потому что это тронет ее сердце. Что ж... Он сделает богатое пожертвование «Истинному другу», и его совесть успокоится.

Но отсюда следует, что им не о чем больше говорить.

Кейн глубоко вздохнул и встал:

– Извини, что отнял у тебя время.

Она удивленно нахмурилась, но тоже встала:

– Я думала, ты хочешь поговорить.

– Мы уже поговорили.

В понедельник утром Ава занялась сбором информации об «Истинном друге». Удалось узнать очень немного помимо собственно названия и факта, что эта организация зарегистрирована как благотворительная. Тогда Кейн позвонил разным людям, чем-либо ему обязанным, и двери начали отворяться. И уже в пятницу утром Кейн вручил Аве чек и попросил передать его президенту «Истинного друга».

Ава вернулась через пару часов:

– Эйлин Френсис хочет видеть вас.

Кейн с удивлением взглянул на секретаршу:

– Видеть меня?...

Ава прислонилась к косяку двери:

– Я сказала все те слова, которые обычно говорю, когда вы поручаете мне подобное. Что вы одобряете их деятельность и хотите помочь, но предпочтете, чтобы помощь была анонимной, и так далее. А она ответила, что все это прекрасно, но она не примет чек, не познакомившись с вами.

Кейн нахмурился:

– Но... – Черт! Почему все, что касается Лиз, так сложно? – Зачем ей меня видеть?

– Может быть, она хочет поблагодарить вас?

– Мне не нужна ее благодарность, – буркнул Кейн.

Ава пожала плечами:

– Я представления не имею, в чем дело. – Она положила на стол чек и визитную карточку. – Вот адрес. Она сказала, что было бы замечательно, если бы вы смогли приехать сегодня к восьми вечера.

Кейн схватил карточку, чтобы бросить в мусорную корзину, но сдержался. Он никогда не был так близок к тому, чтобы расплатиться с Лиз за неудачный брак. Сколько бы он ни помогал отцу в Канзасе, пока тот не продал фирму и не ушел на покой, он так и не смог отработать гибель брата. Родители сочли смерть Тома несчастным случаем, и Кейн тоже понемногу привык так думать. Примерно так. Но за рулем той машины был именно он, поэтому всегда будет чувствовать себя виновным.

Но его неудачный брак не был несчастным случаем. Он уговорил Лиз. Соблазнил ее. Более опытный, чем она, в вопросах секса, воспользовался ее темпераментом. И она сдалась.

Кейн знал, что должен расплатиться с ней за причиненное зло. Так может ли одна странная просьба помешать ему достичь этой цели?

Глава 4

Сидя за длинным столом в конференц-зале, Лиз в ожидании начала собрания, которое правление «Истинного друга» устраивало по первым пятницам каждого месяца, приводила в порядок свои заметки.

Президент правления Эйлин Френсис, улыбочивая женщина лет пятидесяти со светлыми волосами, сидела во главе стола и беседовала с Рональдом Джонсоном. Дочь Рона погибла от руки своего сожителя. Именно он придумал «Истинного друга», но для воплощения этой идеи в жизнь понадобились деньги и энтузиазм Эйлин Френсис.

Рядом с Роном сидели Роза Шварц, хозяйка сети цветочных магазинов, и Либерти Мейерс, рядом с Лиз – Билл Браун. Вообще говоря, правление состояло из шестнадцати человек, но все дела вели эти шесть членов исполнительного комитета.

Лиз передала счета за купленные для Аманды продукты и отчет о сделанной в ее доме уборке Розе, казначею организации. Лиз не нуждалась в компенсации стоимости ни продуктов, ни уборки, но «Истинный друг» строго учитывал, что сколько стоит.

– Спасибо, Лиз, – сказала Роза, ласково улыбаясь. Но прежде чем Лиз успела ответить «не стоит благодарности», в зал кто-то вошел и все сразу замолчали.

Эйлин встала как раз в тот момент, когда Лиз оглянулась и обнаружила в дверях Кейна. Он кивнул ей.

Эйлин обратилась к присутствующим:

– Позвольте вам представить Кейна Нестора, президента компании «Кейн корпорейшн». Сегодня он наш гость.

Лиз растерялась. Его появление шокировало ее. Она не видела его три года – и вдруг стала видеть везде и всюду. Хуже того, она сама его сюда привела. Ведь это она сообщила ему об «Истинном друге».

– Пожалуйста, садитесь куда-нибудь. – Эйлин показала на пустые стулья вокруг стола.

Кейн не двинулся с места:

– Миссис Френсис...

Эйлин нежно улыбнулась:

– Пожалуйста, зовите меня Эйлин.

– Эйлин, можем мы поговорить с глазу на глаз?

– Видите ли, я ничего не делаю от имени «Истинного друга» без его исполнительных директоров. Именно поэтому я попросила вас приехать сюда сегодня. И, если вы позволите мне открыть собрание, я сообщу присутствующим о вашем взносе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.